

Султанов С.А.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ
В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
(сравнительный анализ)**

S.A. Sultanov

**THE ETHNIC RELATIONS IN KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN
IN THE PERIOD OF DEMOCRATIZATION POLITICAL SYSTEMS
(comparative analysis)**

УДК: 323.1; 327.39 (574):(575.2)

В данной статье рассматриваются вопросы национальных отношений в Казахстане и Кыргызстане в период демократизации политических систем. На основе сравнительного анализа исследуются национальные особенности становления государственности в этих республиках.

In this article the issues of national relations in Kazakhstan and Kyrgyzstan in the period of political systems' democratization are considered. There is also a research of national peculiarities of statehood's formation in these republics, which is conducted on the basis of comparative analysis.

Становление некоторых новых государств на пространстве бывшего Советского Союза, пошли не по пути развития демократических ценностей и институтов. Скорее наоборот, - национальная составляющая становления этих государств (страны Прибалтики, Кавказа, Туркменистана, Молдавии и др.), вытеснило гражданские и демократические начала, а также согласие между этносами. В итоге, в этих странах стали брать вверх настроения национальной нетерпимости, создаваться проблемы и трудности для некоренного населения на национальной и религиозной почве. В ряде случаев, это привело к открытым межнациональным столкновениям с кровавым исходом. В Киргизии, это не удалось избежать, когда в начале 90-х годов XXв. вспыхнул конфликт в городе Ош. Эта незаживающая рана страны.

Обеспечение межнационального согласия, как в Казахстане, так и в Кыргызстане - самая трудная задача, которая решается по разному, в этих странах. И очевидно, что без решения национального вопроса, сложно удержать общество в состоянии равновесия и стабильности и невозможно обеспечить его безопасность. Вместе с тем, нет и готовой формулы решения данной проблемы.

"Из нашей недавней истории можно вспомнить - сказал Н.Назарбаев, - как торжественно рапортовалось о решении национального вопроса в бывшем Советском Союзе. Марксистская концепция самоопределения наций оказалась воплощена на практике в жёсткой сталинской формулировке: нет народа - нет проблем. Тогда тысячи охраняемых переполненных вагонов-теплушек курсировали по всей необъятной стране - от Карпат, Крыма, Кавказа до Тянь-Шаня, от Владивостока

до Сары-Арки и Урала. Ужасные по своим масштабам депортации, подорвали историческую и культурную основу десятков народов. Многие из них оказались на грани исчезновения, утратили свою самобытность. Стратегия создания "советского народа" завершилась событиями сначала в Алматы, а затем побоищем в Сумгаите и Нагорном Карабахе, других городах и республиках. И могущественная многонациональная страна рассыпалась, как "карточный домик". ...Все эти факты свидетельствуют о том, что абсолютно бесспорного, приемлемого для всех стран опыта конструирования межнациональных отношений, не существует. Следовательно, никто не может сегодня навязывать другим странам свою модель национальной политики. У каждой страны в силу её этнической и историко-культурной уникальности должен быть свой подход к решению межнациональных проблем" [1].

В плане межнациональных отношений, хотелось бы отметить, что в обеих республиках создана правовая база, обеспечивающая равенство прав и свобод всех граждан независимо от их этнической и религиозной принадлежности, что составляет юридический фундамент государственной национальной политики. Создание Ассамблеи народов в Казахстане и Кыргызстане, стало действенным инструментом межнационального согласия и реализации практической национальной политики. Если в Киргизии русский язык стал официальным языком, то в Казахстане, он приобрёл статус межнационального общения наравне с государственным языком. Конечно, многие государственные и общественные институты были созданы административными методами, в ущерб демократическим процедурам, которые отстаивают интересы, прежде всего власти. В какой мере подобная оценка справедлива? Прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразно взглянуть на общее состояние демократии в современном мире.

В условиях глобализации демократия как способ политического управления обществом, сталкивается с беспрецедентными вызовами, ставящими под вопрос некоторые весьма существенные её характеристики. Как пишет Ю. Красин: " Не случайно эта тема стала лейтмотивом двух последних конгрессов Международной ассоциации политической науки (МАПН). На 18-ом конгрессе (2000, Квебек, Канада) в центре дискуссии оказались

корпоративные вызовы демократии, а на 19-ой (2003, Дурбан, ЮАР) - итоги так называемой "третьей волны" демократизации. Участники конгресса констатировали, что вопреки надеждам 1970-ых - 1980-ых годов в большинстве стран "третьей волны" демократические преобразования не привели к сколь-нибудь заметному улучшению жизни людей. Отсюда - всё большее отторжение демократии населением. Некоторые представители этих стран прямо говорили, что решение социальных проблем для них важнее соблюдения принципов и норм либеральной демократии" [2].

Критический настрой по отношению к демократии достиг такого уровня, что запланированный на 2006 год конгресс МАПИ прошёл под знаком, - "Работает ли демократия?". Сегодня демократия сталкивается с серьёзными вызовами которые, скорее всего, потребуют кардинальных изменений и в рамках отдельных стран, и в глобальном масштабе. Новизна и многообразие происходящих в мире процессов столь значительны, что исторически сложившиеся формы либеральной демократии нередко дают сбой даже в странах с давними и традиционными демократическими традициями. В данное время ведётся интенсивный поиск адекватных современным реалиям форм: - широко обсуждаются проекты демократии участия, демократии защиты, коммуникативной демократии.

Учёные политологи внесли даже новое понятие "не либеральной демократии" как некоего соединения демократических выборов с авторитарными действиями и практиками. Например, по заключению американского исследователя - аналитика Ф. Закарии, подобное соединение характерно для половины "демократизирующихся" стран мира, где народный суверенитет, реализующийся через свободные выборы, приводит к "централизации власти, часто вне конституциональными средствами и с печальными последствиями. То, что возникает в итоге, почти не отличается от диктатуры, хотя и обладает большей легитимностью" [3]. Конечно, с точки зрения перспектив либеральной демократии, ситуация в постсоветских и других развивающихся странах мира, действительно мало обнадеживает. "Институты либеральной демократии во многих регионах либо рассматриваются как чуждые, заимствованные образцы, либо воспринимаются поверхностно, чисто формально. Результатом часто является скорее имитация демократии, являющаяся в фактическую маскировку авторитарных или олигархических режимов" [4].

Известно, что успех и стабильность либеральной демократии, как отмечал Ф. Фукуяма, никогда не определяется простым механическим приложением определённого набора универсальных принципов и законов, а требует определённой степени согласия между народом

и государством. Вернее то, что раньше называлось противоречием между базисом и надстройкой, современная неореалистическая традиция социологии называет "напряжением в обществе". Другими словами, как успешно и стабильно разрешаются важнейшие противоречия современного общественного развития, так успешно и стабильно устанавливается и либеральная демократия.

Как отмечалось выше, в двух центрально-азиатских странах наличие политического кризиса, (противостояния президента и исполнительной власти с законодательной, самороспуск парламента, продление полномочий президента и др.) является свидетельством того, что ни власти, ни те, кто ей оппонирует, так до конца и не разрешили основное политическое противоречие, заключающееся в серьёзном расхождении их взглядов на пути дальнейшего развития демократических принципов в своих странах.

"Демократия никогда не может войти с чёрного хода: в определённый момент она должна возникнуть из сознательного политического решения - установить демократию... Стабильная либеральная демократия не может возникнуть без существования мудрых и умелых государственных деятелей, которые знают искусство политики и умеют преобразовать невысказанные склонности народов в устойчивые политические институты. Изучение успешных переходов к демократии подчёркивает важность таких чисто политических факторов, как способность нового демократического руководства нейтрализовать вооружённые силы, одновременно стараясь устранить прежние несправедливости, его умение поддержать символическую преемственность (флаг, гимн, и тому подобное), природу установленной системы партий, и такой фактор, как президентская или парламентская установилась демократия. И наоборот, изучение краха демократий постоянно показывает, что такие события никоим образом не являются неизбежным результатом культурной или экономической среды, но чаще всего вызваны конкретными неверными решениями отдельных политиков" [5].

В Казахстане, как и в Кыргызстане, формальное равенство, предшествующее политической свободе, привело к тому, что формально демократия предшествует либерализму. А это значит, что в условиях отсутствия полноценной либеральной идеологии власти могут насадить и насаждают обществу "своё", чаще иррациональное понимание и либерализма и демократии. Конечно, можно оспаривать те или иные выводы и оценки, но нельзя не видеть, что они отражают глубокий кризис, который переживают нынешние формы демократии. Глобализация и переход к инновационному типу развития, глубокий качественный сдвиг в жизнедеятельности современного общества, в

его структурах и механизмах функционирования, однозначно указывают на необходимость масштабного прорыва в способах политического управления.

Одним из первых тогда ещё советских политологов, который писал о необходимости авторитарного режима при переходе в демократический, был А. Мигранян, который отмечал, что: "Ещё в 1988 году, разрабатывая модель перехода от тоталитаризма к демократии в Советском Союзе, на мой взгляд, я достаточно убедительно показал невозможность прямого перехода к демократии и настаивал на том, что авторитаризм в политической сфере является необходимым этапом на пути к демократии. Обосновывая необходимость авторитаризма в политической сфере, я исходил из того, что начав радикальную реформу тоталитарного режима в политической сфере и попытавшись немедленно создать демократическую политическую систему мы просто разрушим социальную систему, как бочку, с которой сняли обручи" [6]. Опыт последних 15-ти лет политической трансформации на постсоветском пространстве показал в целом обоснованность данной концепции.

В Казахстане и Кыргызстане, были налицо объективные условия для сохранения промежуточного этапа авторитаризма, для перехода в последствии, в новое демократическое качество. А пока, не менее вескими оказались социальные предпосылки авторитарных тенденций. Возникли новые формы отчуждения, порождаемые ухудшением условий существования, обнищанием и обездоленностью широких слоёв населения, их незащищённостью, коррумпированностью власти. В этих условиях обстановка неустойчивости, неопределённости и утраты перспектив порождало в людях растерянность и разочарование существующими порядками, ностальгию по прошлому, тягу к "сильной руке". В верхних эшелонах власти начинают осознавать, что без сильной исполнительной вертикали власти, что принято называть авторитаризмом, не обойтись. С тех пор и по ныне, президент Казахстана Н. Назарбаев неустанно заявляет, что "для быстрого и чёткого проведения реформ нет ничего важнее, чем сильная, стабильная государственная власть, способная в случае необходимости реформировать и себя" [7].

"Низкий уровень политической культуры кыргызстанского общества - пишет Ж.Сааданбеков - препятствовал формированию демократических и анти авторитарных взглядов. А инициатива по реформированию и демократизации общества шла в основном "сверху". Таким образом отечественная Конституция закрепила государственный строй, как президентскую республику. Появились по сути два центра исполнительной власти: Администрация

президента и Правительство, которые нередко противоборствовали между собой" [8].

Конечно, движение к демократии не может быть быстрым и прямолинейным. Паузы, повороты, зигзаги и откаты неизбежны. Как мы отмечали выше: решающим прорывом к демократии были реформы М.Горбачёва. Именно они обеспечили важнейшие демократические завоевания, после которых советская система обрела некоторую свободу. Тогда общество заговорило в открытую, о наблевших проблемах, а заговорив стало размышлять и включаться в публичную политику. На арену вышла институциональная структура демократии - Парламент. Начался процесс формирования гражданского общества. И главное, тогда был дан мощный импульс демократическим переменам, пробудившим массовый энтузиазм и повлекшим за собой всплеск общественной самодеятельности. А потом, как известно последовал "откат" назад, вызванный непримиримой конфронтацией между консерваторами, - не желавшими ни каких реформ, которые пытались любыми средствами вернуться в лоно государственного социализма, и радикалами, - которые стремились получить всё и сразу внедряя рыночно-либеральные практики не считаясь со средствами.

"Радикально - либеральная политика вне демократических институтов и процедур, попиравшая интересы большинства граждан, не могла не подорвать ещё не укоренившуюся демократию. "Верхушечные игры" правящей элиты погасили массовый подъём и открыли путь к установлению в стране авторитарного правления. А те демократы, которые по наивности или из карьерных соображений поддерживали этот курс, а сегодня, сталкиваясь с последствиями "отката", стонут об утраченных надеждах... Если политика перестройки при всех её слабостях и ошибках объективно подразумевало эволюционную трансформацию государственности, тем самым создавая предпосылки для консолидации расколотого общества, то острое радикально - либерального курса было направлено на "слом" государства ("большевизм на изнанку"), что по сути закрывало дорогу консолидации и эволюционному развитию демократии" [2, С.129].

В начале 1990-ых годов американский социолог А. Пшерровский, проанализировав опыт перехода от авторитаризма к демократии в странах Латинской Америке и Восточной Европы, пришёл к заключению, что успех транзита в решающей мере зависит от того, "согласятся ли политические акторы с рамками демократических институтов, которые будут обязывать их к согласию" [9]. И конечно в Казахстане и Кыргызстане, где конфронтационная политическая культура глубоко укоренена (нет демократических традиций), либеральные реформаторы легко попали в эту ловушку. Например, приватизация государственной

собственности сопровождалась разрушением рычагов и механизмов государственного регулирования, что неизбежно стимулировал рост анархических тенденций, беззакония и криминального произвола. Подобная либертарная практика не только делегитимировала либеральные реформы, обрекая их на неудачу, но и ввергла экономику и общество в глубочайший кризис. Поэтому, тогдашний курс власти на укрепление вертикали и развития "управляемой демократии", на тот момент был оправдан. Можно сказать, что курс на упрочение государственности в какой-то мере носит императивный характер.

По нашему же мнению в Казахстане, как и в Кыргызстане, нет ярко выраженного жёсткого авторитаризма с признаками личной диктатуры, а присутствует - "мягкий авторитаризм" (например режим Де Голля во Франции, Перрона в Аргентине и др. стран юго-восточной Азии), который проявился по стольку, поскольку необходимо для целеустремлённого и решительного проведения сверху политических и экономических реформ с одной стороны, и для обеспечения политической стабильности, с другой. Понятие "мягкого авторитаризма" было введено немецким учёным Р. Дарендорфом при описании данного типа политического устройства. "Законопослушным гражданам, которые усердно заняты своими собственными делами, а в остальном ведут спокойную частную жизнь, нечего бояться гнева своих лидеров... Но те, кто критикует правительство за его неподконтрольные действия, кто использует свободу слова для разоблачения nepотизма, кто осмеливается выдвигать альтернативных кандидатов на выборах, - эти люди в опасности" [10].

Существует однако, и обратная сторона медали. Так, в большинстве случаев, утвердившись, авторитарные режимы быстро теряют эффективность. Их мобилизационная способность проявляется недолго. Действенность приобретает мнимый характер, а результаты подменяются "показухой". "Решение проблем оказывается мнимым и влечёт за собой возникновение новых, зачастую более сложных, чем те, от которых вроде бы удалось избавиться. Тяжёлые последствия влечёт за собой паралич системы саморегуляции субъектов общественной жизни. Волонтаристские решения, свойственные авторитарной системе власти, нарушают сбалансированность общественного организма. Блокировка обратной связи с нижестоящими звеньями иерархической вертикали лишает центр принятия правдивой информации о происходящих в обществе процессах. Тем самым утрачивается способность режима, опираясь на информацию о реакции общества на политику центра, вносить коррективы, как в стратегическую линию, так и в конкретные решения" [11].

Позднее, события произошедшие в Кыргызстане в 2005 и в 2010г.г., приведшие к бегству президентов из страны, покажут справедливость данного высказывания (но это уже будет другое исследование). В результате концентрации власти в руках одного лица (или узкого круга его приближённых), резко снижается степень управляемости обществом. Это объясняется, как физическими пределами, ограничивающими круг проблем которые способны оценить и решить один человек, так и тем, что принимаемые решения неизбежно деформируются под воздействием односторонности получаемой информации и придворных интриг. "Иллюзорным является также представление, будто в нынешних условиях при авторитарной власти можно создать безотказно действующую управленческую вертикаль, адекватно передающую импульсы, поступающие сверху. Такая вертикаль существовала (и то далеко не в идеальной форме) лишь в сравнительно примитивных обществах. Чем более развитыми и сложно организованными становились общественные структуры, тем меньшей была её эффективность. Авторитарное общество не способно к адаптации к общественным процессам ввиду своей неповоротливости и не гибкости" [11, С.65].

Наибольшая же опасность состоит, не в установлении юридически оформленного авторитаризма, а в происходящей фактической узурпации властных функций государственно-бюрократическими и финансово-олигархическими группировками (что не исключает соперничества и торга между ними на разных уровнях), при одновременной блокировке или "симуляции" функционирования демократических каналов контроля за властью [11, С.71]. Как известно, в начале 90-ых годов распад СССР сопровождался трансформацией бюрократической модели политической элиты в олигархическую: власть стремительно начала соединяться с собственностью. Наиболее ловкой, предприимчивой части партийной и государственной номенклатуры удалось захватить не только собственность, но и "приватизировать" государство.

Проходившие парламентские слушания, и освещение в СМИ Кыргызстана, Казахстана и других стран, изобилуют фактами ограбления граждан и государства через финансовые пирамиды, оффшорные зоны, таможенные, налоговые льготы "своим" предпринимателям, прокручивание (расхищение) бюджетных средств через систему уполномоченных банков, бесконтрольный вывоз сырья, продажа за бесценок сырьевых ресурсов, ограбление крупных предприятий и т.д. Известно, что возле каждого крупного промышленного предприятия создавались фирмы, "фирмочки", карманные банки, высасывающие из него все соки. Часть средств накопленных в результате этих манипуляций, вкладывались в приватизацию. Вне бюджета проходили суммы, исчисляемые

уже в миллиардах долларах, которых бы хватило не только на выплату пенсий, стипендий и заработной платы учителям, врачам и военным, но и на реализацию масштабных экономических, социальных и экологических программ. Также в этих условиях появились политико-финансовые кланы которые принимали ключевые политические решения. В результате они стали обладателями не только огромного финансово - промышленного потенциала, но и располагали собственными службами безопасности, своими креатурами в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах, своими СМИ, опирались на определённые силы оппозиции и регионально-клановые группировки

Состав политической элиты стал симбиозом высшего эшелона административно – политической номенклатуры и ведущих политико - финансовых групп. А источником политического влияния стала собственность, прежде всего институты государства. Взращённые и вскормленные в своё время властью, олигархи теперь открыто претендуют на власть, всячески пытаясь её завоевать. Ещё Р. Михелс первым из известных политологов заметил, что даже в самых демократических институтах профессиональные лидеры и администрация обычно обладают определёнными преимуществами в силу самого пребывания в должности, изолирующей их от угрозы низложения конкурентами. Выведенный им "железный закон" гласит: партии, ассоциации и движения (не говоря уже о законодательных органах) становятся всё более олигархическими и таким образом, всё менее подотчётными собственным членам, либо широкой публике. В современном смысле слова: олигархия- это определённый способ управления крупными организациями, основанный на власти как экспертизе, но не как богатстве. Что же касается олигархических начал, в пост тоталитарных государствах, то они скорее, возвращают нас к античному пониманию плутократии, как режима, при котором власть и привилегии основываются почти исключительно на богатстве. Отсюда интересы собственности и собственной материальной выгоды, а не организация власти как таковая - вот главный признак современной олигархии. Словом, не только богатство производит власть, но и власть сама порождает богатство.

Таким образом, для политической трансформации, как Казахстана, Кыргызстана, так и большинства стран СНГ, присуще и общая экономическая закономерность (кроме Белоруссии), - когда экономическая свобода вызывает естественное побуждение к накоплению материальных богатств. Конечно, возможность такого накопления у всего населения неодинакова. Как мы отмечали выше, происходит становление олигархической элиты, которая

вслед за удовлетворением экономических потребностей стремится к выражению своих политических интересов и в конечном итоге, к власти. Так же, бюрократия в силу её институционального положения несёт в себе угрозу узурпации ею власти в государстве и отстранения общества с его партиями от управления. Эта опасность существовала всегда. Она характерна и сейчас, для самих демократических стран Запада. Но там она до сих пор более или менее успешно нейтрализуется благодаря наличию развитого гражданского общества, его институтов, которые осознают эту опасность.

В нашем же случае, государства, только что вставших на путь построения демократического общества, эта опасность многократно возрастает. Потому что нет сильного партийного и общественного противовеса бюрократии. Опыт обеих братских республик показывает, что бюрократия осваивает эффективные механизмы манипулирования обществом, подминает под себя выборные органы и исподволь осуществляет авторитарно-бюрократическую реставрацию. Сегодня новая бюрократия не слабее старой, напротив она укрепилась, ибо стала бесконтрольной, потому что избавилась от селекционной структуры КПСС, при этом быстро выстраивая прочную систему клиентализма, когда мелкий чиновник зависит от старшего, а тот по иерархии - от следующего старшего и т.д. Подобные иерархические отношения основываются нередко на угрозах, деньгах, на взятках и услугах. Коррупция и кумовство становится так называемой "смазкой" механизмов власти. Система клиентализма, приватизируя власть, превращает её в высокодоходный бизнес. И как следствие: - партии, общественные объединения, представительные институты, демократия и законы не работают.

Наиболее острой проблемой в Казахстане и Киргизстане является, - трайбализм и родоплеменной фактор, местничество и землячество. Как известно, трайбализм органически содержится в генетическом коде восточных обществ. По определению А. Тойнби [12], трайбализм - это приверженность культурно-бытовой, культурно - религиозной и общественно - политической племенной обособленности, встречающийся там, где сосуществуют племенной строй и европейские политические институты - армия, чиновничество, одна или несколько партий, парламент и т. п. Проявляется трайбализм в покровительстве соплеменникам в государственном аппарате, в слиянии политической и межплеменной борьбы и пр. Также трайбализм - это приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в противовес государственным общечеловеческим.

В обеих республиках, принцип локализма (регионализма, землячества) и особенно трайбализма, имеют свои особенности. Благодаря

семидесятилетнему давлению советского режима они носят не доминантный а пережиточный характер, потому что советская политика и идеология были непримиримы как к этноцентризму, так и к проявлениям трайбализма. И это дало определённые позитивные результаты. При нынешней системе, в Казахстане и Киргизии, трайбализм проявляется в покровительстве родственникам, соплеменникам и землякам в распределении материальных и финансовых ресурсов, где используются такие механизмы как лицензирование, таможенный и тарифный контроль и т. д. Всё это крайне негативно сказывается на функционировании политических институтов, где подчас разворачиваются политические схватки по признаку принадлежности к той или иной родоплеменной общине, клану или региону.

Имеет место немало фактов, когда родоплеменные и региональные элиты, оказавшиеся у власти, создают оппозиционные партии и объединения по принципу трайбализма или региона (напр. В Киргизии противостояние "Север-Юг"). В Казахстане, противоречия казахских жузов, нередко отражаются в кадровой политике, создании политических альянсов. Конечно, это обратная сторона политической системы двух центрально-азиатских государств, где по прежнему пережитки переплетаются с современными, не самыми лучшими, реалиями. При таком раскладе тогдашний и нынешний курс власти на укрепление управленческой вертикали и развитие "управляемой демократии" предстаёт альтернативой постоянному противостоянию в высших эшелонах власти в РК и КР.

Таким образом, каким бы узким ни казался "коридор" политических возможностей двух обществ и их политических систем, в нём есть реальные и - особенно - потенциальные ресурсы для того, чтобы двигаться от "управляемой демократии" к демократии современной, рефлексивной ("делиберативной"), при которой граждане и политические акторы сознательно, и на благо страны участвуют в формировании публичной политики. Разумеется мобилизация этих ресурсов будет во многом зависеть от

того, как будут складываться отношения между элитами, между гражданским обществом и элитой в лице государственных органов. В этих условиях, авторитаризм можно рассматривать, как своего рода "компромисс" между тоталитарным и демократическим политическими режимами. Он, с одной стороны мягче либеральнее, чем тоталитаризм, но с другой - жёсткий, антинародный, нежели демократический.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Стратегия развития Ассамблеи народов Казахстана: национальное согласие, безопасность, гражданский мир // Казахстанская правда - 16 ноября 2002г.
2. Красин Ю. А. д. филос. н. Российская демократия: коридор возможностей // Полис.- 2004. - № 6.- С.128
3. Zakaria F. The Future of Freedom.-N.Y., 2004.- P.102 -103
4. Загладин Н. В. Холодковский К. Г. Глобализация и Россия. Проблемы демократического развития. - М.: Агенство Издательский сервис, 2004. - С.38
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. - С- Пб: Ленииздат, 2004. - С.40
6. Мигранян А. Россия в поисках идентичности. - М.: Международные отношения, 1997. - С. 197
7. Назарбаев Н.А. Интервью Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева // Казахстанская правда. - 2002.- №282-284. - С.3
8. Сааданбеков Ж Авторитаризм и демократия на Востоке. - Астана. Фолиант, 2003. - С. 281-282
9. Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic. Reforms in Eastern Europe and Latin America. - N. Y., 1991. - P. 189
10. Dahrendorf R.Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? // The Responsive Community. - 1995. - vol 5, №3. - P 29-30
11. Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. - М.: Аспект Пресс, 1998. (- 122с.) С.64
12. Тойнби А. Постыжение истории. - М.: Аспект Пресс, 1996. -240с

Рецензент: д.полит.н., профессор Романова Н.В.